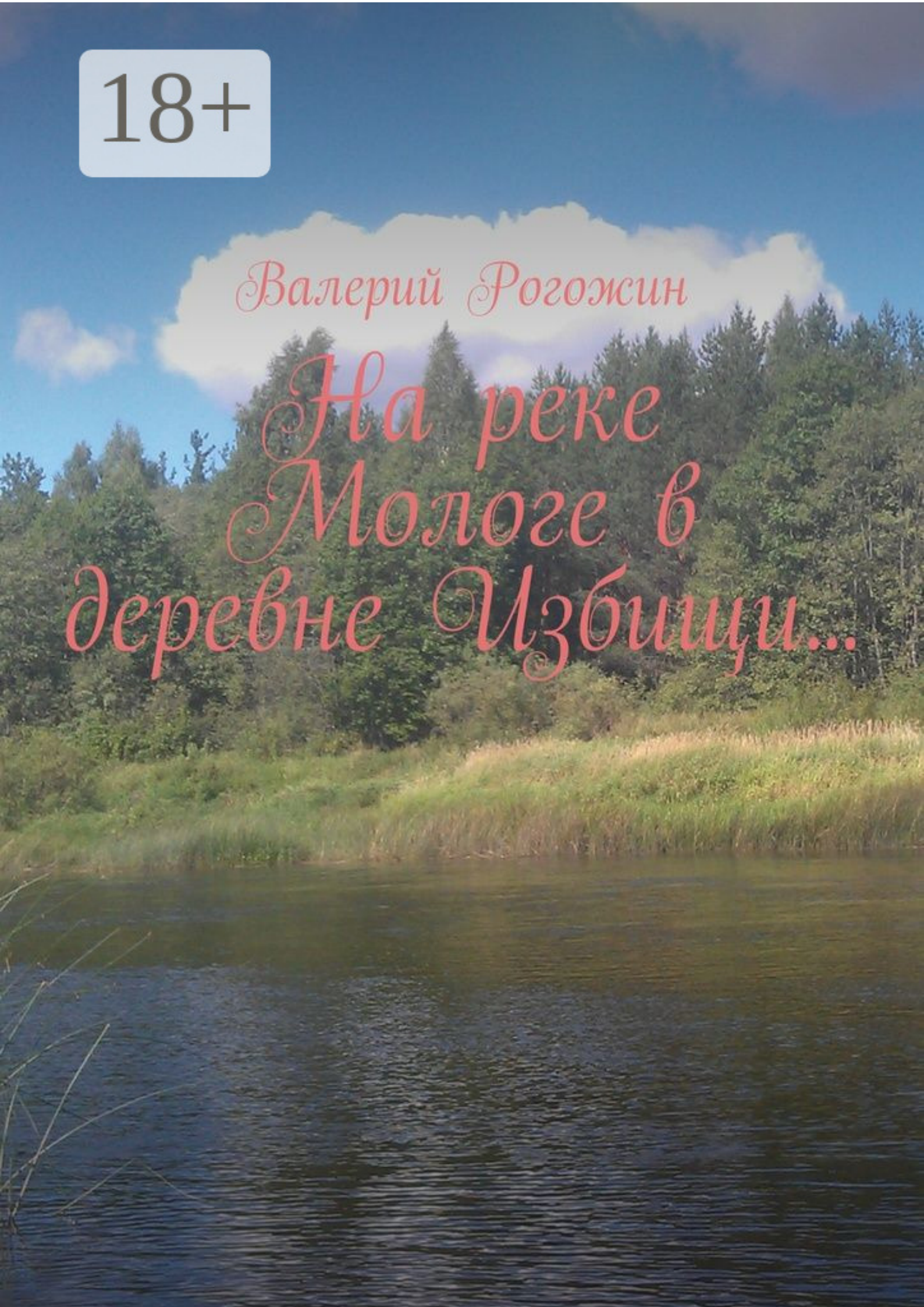

18+
Валерий Рогожин
На реке Мологе в деревне Избищи...

Валерий Рогожин

На реке Мологе в деревне Избищи…

«Издательские решения»

Рогожин В.

На реке Мологе в деревне Избищи… / В. Рогожин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836392-4

В сборник стихов современного российского поэта Валерия Петровича Рогожина вошли произведения разных лет и различной тематики, позволяющие представить творческий диапазон автора. Основным объектом стихов является русская деревня, затерявшаяся в необъятных российских просторах. Здесь она показана и летом, и осенью, и весной, и зимой. И лирический герой воспринимает деревню, находясь в различных настроях души.И, конечно же, как и у любого поэта, рядом присутствует образ его музы, его любимой.

ISBN 978-5-44-836392-4

© Рогожин В.
© Издательские решения

Содержание

«друг друга мы с тобой касаемся…» 6
«вдруг совершенно невзначай…» 7
«декабрь торопится, бежит…» 8
«вы хотели правды жизни только…» 9
тишина 10
Вот тебе бабушка и Юрьев день!.. 11
«снег, прежде чем на землю лечь…» 12
«вступаю в зиму, как заходят в Иордань…» 13
«от ноября осталось лишь полдня!..» 14
«ноябрь. деревня. глушь. тоска и скука…» 15
«вселенная занята… звуков здесь только один…» 16
ФИДЕЛЮ 17
«вечер, зябко и грустно очень…» 18
к себе тянула издалёка… 19
«вечер. сумерки. ноябрь. не зима, не лето…» 21
«что нести тяжелей автомат или крест?..» 22
«определиться не могу…» 23
«ночь долгая, как видно без конца…» 24
«вчера текло, неслись потоки…» 25
«февраль, чернил вполне хватает…» 26
село Грязищи 27
«рассвет хотел все встать на лапы…» 28
«как тяжело порой любить…» 29
«наутро белый иней – след зимы…» 30
«а этот день мы будем помнить…» 31
«сегодня день… скажу с издевкой…» 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

На реке Мологе в деревне Избищи… Валерий Рогожин

© Валерий Рогожин, 2017
ISBN 978-5-4483-6392-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«друг друга мы с тобой касаемся…»

друг друга мы с тобой касаемся
снежинками, а может душами,
и жизни наши в миг кончаются,
электролампами потухшими.

коль снега нет – его мы вымыслим!
и он снует и бьет боками,
зажатый правдою и вымыслом,
как будто бы двумя врагами…

он суетится в талой бытности,
в чужой уже нагретой сути,
зачем-то нужный в этой былости,
и осужден, и неподсуден…

и неуклюжий в желтой вечности,
снег тает не упавши долу
и пропадает в бесконечности,
как звук сгоревшей магнитолы…

и звук пропавший и квадратный,
как карп в реке плывет бродячий,
невыпавший и невозвратный,
хоть призрачный, но все ж ходячий…

друг друга мы с тобой касаемся
снежинками, а может душами,
и жизнь тогда у нас кончается,
как будто мир весь в миг разрушили!

«вдруг совершенно невзначай…»

вдруг совершенно невзначай
напомнили мне ароматы
душистый марокканский чай
и в нем три лепесточка мяты…

и океанскую волну,
искавшую меня когда-то,
мою ушедшую вину,
мои вернувшиеся даты…

а чайки! небо в облаках
и небо – это мысль о хлебе,
растеряных туристов – ах!
хотел бы жить я в этом небе!

воспоминания живут
с надеждой навсегда остаться,
они когда-то приплывут,
чтобы уже не расставаться.

вдруг совершенно невзначай
напомнили мне ароматы
душистый марокканский чай
и в нем три лепесточка мяты…

«декабрь торопится, бежит…»

декабрь торопится, бежит,
как будто кто-то догоняет,
наперерез ему ныряет,
а он свободой дорожит!

ему б немедленно уйти,
а он к вопросам жизни-смерти…
что будут говорить – не верьте,
здесь нет побочного пути!

и он бежит, сбивая шаг,
невольно же сдвигаясь в лето,
в сиянье солнечного света,
где сам был юн и бос, и наг…

и мнится рост подспудных сил,
и возвышение над миром!
стремленье общим стать кумиром
на фоне шарканья бахил…

она же весь декабрь ворчит:
то гололед, то снег и тучи…
ей кажется, морозец лучше,
чем коль капель везде бренчит…

а он по-прежнему бежит,
а кто-то вправду догоняет,
под локоть вдруг к нему ныряет,
а он волнуется, дрожит…

«вы хотели правды жизни только…»

вы хотели правды жизни только…
вы хотели правды жизни просто,
мне хотелось правды правды чуть…
может потому, что сам я чудь,
корешком пришитый к норд-норд-осту…
вот и тянет в водь, и в чудь, и в веси,
чтобы этой правды видеть суть…
я готов любой проделать путь,
растеряв и гордости и спеси…

вам хотелось правды, но от жизни!
я не знаю, где ту жизнь найти,
чтоб по правде в жизни мне идти,
чтобы правду знать в своей отчизне!
чтоб про жиз'нь правду где-то слышать,
хоть на баррикадах, хоть в ТиВи,
да чтоб честно, а не за рубли —
сам придумай – сам распространи!

тишина

а тишина была зеленой,
немножко тусклою и серой,
шуршала старою газетой,
была всей местности под стать!
и не была она гулёной,
все проверяла своей мерой,
и к нам явилась, так как лето,
и было нужно где-то спать…

она подсела, все молчали,
покушать дали – стала кушать,
скучали все – она скучала,
запели – стала подпевать,
похолодало – села ближе,
не стало туч – считала звезды,
под утро вроде б задремала,
с рассветом встали все – ушла!

никто не видел, как явилась,
и незаметно так исчезла,
была, рюкзак свой поправляла,
а после раз! – и нет ее!
поудивлялись, обсудили,
поговорили и забыли…
а больше и не вспоминали,
кто юн – живет без тишины!

Вот тебе бабушка и Юрьев день!..

гляжу в окно… никак зима в разгаре,
Егорий Зимний нынче на дворе,
что впрочем безразлично детворе,
пугающей ворон ездой на каре…

Егорий, Юрий, Зимний ли, Холодный —
суть всё едина, а точнее день,
прохладный воздух и на солнце тень,
и Юрьев день из памяти народной.

а так обычно, может быть чуть краше,
ведь не меняем в Юрьев день жильё,
какое бы ни задалось жнивье,
в отряд не тянемся мы с патронташем…

уже пополдню. тихо. двор как умер.
нет ни машин, ни псов, ни воронья
и правды нет, чего уж там вранья,
даже молчит синиц писклявый зуммер.

на счет два-три стемнеет. там и утро!
прошел Егорий, Юрий, вся зима…
как началась, так кончится сама
и все за миг свершится хитромудро…

нет, лучше, хоть известно, мы не баре,
но с пацанвой с утра верхом на каре…
катаешься уж вроде много лет,
а все не выйдет время на обед!..

«снег, прежде чем на землю лечь…»

снег, прежде чем на землю лечь,
устраивался на заборе,
смотрел вокруг, быть может в море?
но морю в двор наш не затечь!
и снег на той заборной кромке,
увидев нынешний пейзаж,
конечно, понимал: «он наш!»
и прыгал вниз без драпировки.

а коль по честному сказать,
таких пейзажей ведь немного…
здесь, рядом с нами за дорогой,
во Франции слегка позадь,
нашли один в Китае срочно,
в Швейцарии пяточек мест,
в Джакарте двор похожий есть
и в Конотопе, знаю точно

красив мой край, его люблю!
и снегопады, и капели,
его пастели, акварели,
люблю и яму, и петлю,
где рождество встречают в лужах,
на трощу второй пиджак,
в крещенье можно просто так,
а, Новый Год – так плащ нам нужен!

ужель еще отыщешь где?
чтоб путали родных с соседом,
подъезд садился на беседу
и коль гуляли, то везде!
туда, где лучшая квартира,
один от нас пытался сбечь,
вернулся, не об этом речь,
о том, что не нужны полмира

снег, прежде чем на землю лечь,
устраивался на заборе,
смотрел вокруг, быть может в море?
но морю в двор наш не затечь!
и снег на той заборной кромке,
увидев нынешний пейзаж,
конечно, понимал: «он наш!»
и прыгал вниз без драпировки.

«вступаю в зиму, как заходят в Иордань…»

вступаю в зиму, как заходят в Иордань,
в от холода запекшуюся воду,
в здоровую морозную погоду,
с утра в от ночи не проснувшуюся рань…

вступаю в холод, дико, рвущийся с цепи,
мужицкими звенящий кандалами,
к которым засудили мы же сами,
чтобы не рвал он тело голое в степи!..

в снега, вступаю что украли лета след,
что наделили ломом и лопатой,
забрив меня невольником в солдаты
и подарив мне померанчевый жилет…

и в той зиме тянуть мне лямку день и ночь,
тянуть за то, что не люблю я холод,
за то, что бодр, и все еще я молод,
и день, и ночь толочь, волочь, пока есть мочь!..

минует все, минует чаша, даст Господь!
я верю, наконец, настанет лето,
и будет счастливо, что не одето,
и будет счастливо одето даже хоть!

вступаю в зиму, как заходят в Иордань!
в от холода запекшуюся воду,
в здоровую морозную погоду,
с утра в от ночи не проснувшуюся рань…

«от ноября осталось лишь полдня!..»

от ноября осталось лишь полдня!
зато какие – солнце и морозец!
он сувенир решил нам заморозить,
ну и дает теперь стране огня!

после распутиц, оттепелей, луж
фрагмент зимы сегодняшний – прекрасен!
чист, светел, ярок и многообразен,
словно не город здесь, а мира глушь!

так и сказал я другу своему,
уж лет с десяток мы вдвоем остались,
с тем разругались, с кем-то распрощались,
а с ним следим за миром что к чему!

зовут его герань, известно всем,
по-уличному, значит, журавельник.
вон на окошке словно мой брательник —
ну, всем хорош, да, только глух и нем.

с понятием, ни споров, ни хулы,
а с пенсии берем мы с ним чекушку.
нам много ни к чему, а безделушку
с тарелкой щец и будем веселы!

вот так, дружок! от ноября – полдня!
зато какие – солнце и морозец!
решил подарок он нам заморозить,
ну и дает теперь стране огня!

«ноябрь. деревня. глушь. тоска и скука…»

ноябрь. деревня. глушь. тоска и скука…
вечерний сумрак и иссякший свет…
от звезд в окно приходит мне привет,
далекого рачителя докука.

свеча на подоконнике сгорает,
уносит не спросясь мое лицо
в запутанное ломкое кольцо,
которое скривившись улетает

куда-то вдаль прозрачным лабиринтом,
чтоб потеряться в видимой дали,
куда огни неверные вели,
размноженные адским ротапринтом.

и от стекла в стекло, туда, обратно,
мечась из отражения в замИр,
весть обо мне несется в антимир,
чтоб где-то затеряться безвозвратно…

а на другом конце вселенной может
стоит такой же деревенский дом,
на неком подоконнике чужом
свечу неверно шатко пламя гложет…

и женщина в глуши с тоской и скукой,
прищурясь смотрит на летящий свет,
несущий прилетевший к ней привет,
отринутый всё знающей наукой…

«вселенная занята… звуков здесь только один…»

вселенная занята… звуков здесь только один…
один шум дождя все наполнил от края до края…
шуршаньем засыпана наша планета живая,
а шорох един и хозяин, и всем властелин!

по листьям опавшим скользит он, нагнувшись, шурша,
и листья растроившись глухо насквозь промокают,
лишь капли воды по ним молча степенно стекают,
без грома и грохота, и без прыжков антраша

да в такт ему где-то тихонько звучит скрип гвоздя,
нашелся какой-то в сыром уголке подпевала,
пока дождь шуршал, здесь сырая доска подпевала,
желанья и память товаркам своим бередя!..

чем мир наш живет? неизвестно… лишь шорох дождя…
все новости скрыты за шорохом тихим и емким…
погода сменилась, и вместо дождя шум поземки,
лишь тащится шорох поземки по миру блудя…

вот, что интересно, от шороха шум небольшой,
звук тихий, идет отовсюду, но слишком уж много,
всем звукам теперь навсегда перекрыта дорога
а шорох у нас самый главный и самый старшой

конечно, находится кто-то, кто рядом с гвоздем,
при самом старшом завсегда должен быть подпевала!
один, а не два, чтобы было ни много, ни мало,
обычно и ставят его самым младшим вождем…

вот так и живем, как в простейшей монгольской орде,
где хан, богдыхан и нукеры, карачи, карачи…
кто сверху шуршит, остальные лишь пашут да плачут…
и в золоте верхний, а все остальные в нужде!

вселенная занята… звуков здесь только один…
один шум дождя все наполнил от края до края…
шуршаньем засыпана наша планета живая,
а шорох един и хозяин, и всем властелин!

ФИДЕЛЮ

все имеет начало, всему есть конец…
ушел команданте, грустим, что поделать?
не тело ведь главное, главное дело…
а дело и есть его погребальный венец!..

все уходят, но помнят, однако, не всех…
и родные теряются в памяти гуще…
он запомнится! был он, ребята, из тех,
кто и крепче, и жестче, и просто, пожалуй что, лучше!

«вечер, зябко и грустно очень…»

вечер, зябко и грустно очень
тусклый свет ни писать, ни читать
и такая тоска, между прочим,
что не лечь, и не сесть, и не встать

двор притихший седой унылый
словно враз постаревший на вид
обессиленный, хоть не хилый
и рябина без ягод стоит

то бывало, как крови пятна
на морозных снегах декабря!
вся и жертвенна, и лампадна
как нарочно для алтаря

этот год весь живем в тумане
в суете желто-серых теней
и еще в беспричинном скандале,
между ссорами будет точней

закружу, а в тумане можно
хоть с сукровицей, хоть в кровях
задержали меня в дверях
и облыжно да и обложно

вечер, зябко и грустно очень
тусклый свет ни писать, ни читать
и такая тоска, между прочим,
что не лечь, и не сесть, и не встать

к себе тянула издалёка…

Река как женщина лежала,

В сиянье тысячи огней,

И солнцу вся принадлежала,

И солнце отражалось в ней.

скрывая тайны и секреты,

кусты задергивали листья,

и так по-женски и по-лисьи

смотрелись все ее запреты.

Река как женщина бежала

С ленцой, в раскачку, не спеша.

Бедро невольно обнажала,

Стыдясь, скрывалась в камышах.

и загораживала взгляды

ажурной шторкой из осоки,

а шторки, хоть и невысоки,

зато их целые плеяды.

Полна достоинства и страсти

И красоты полна хмельной…

Все беды от нее, напасти

И счастье от нее волной.

Да! не сравнится с океаном,

но не похожа на протоку.

река! куда там водостокам,

пусть даже бурным или пьяным!

Река как женщина. Рожала

Дожди, туманы и росу,

Но что-то большое дрожало

В рассветной дымке, навесу…

и что-то прятала, скрывала,

к себе тянула издалёка…

манила лаской синеока

и никуда не отпускала…

«вечер. сумерки. ноябрь. не зима, не лето…»

вечер. сумерки. ноябрь. не зима, не лето…
то ль капель со всех ветвей, то ли сыпет снег…
дома горестей внахлест, с самого рассвета,
там сломалось, здесь сдает, здесь изжило век…

у меня же всё гостят шалые подруги…
в пору ехать им домой, а они сидят —
это скука да тоска, да корявы руки,
что не их в округе всей, то и знай костят…

темень, не видать ни зги, мокрая дорога,
снега нет, полно воды, стало быть зима…
в эту пору лечь бы спать, не топтать пороги,
ведь для этого, как раз, сделали дома!

так, еще одна пришла, дома не сидится:
– ой, давай чайку попьем, дома нет воды!
ведь бессонницей зовут, вот ей все не спится…
ходит-бродит по гостям, не внесла б беды!..

я уж вьюшки все закрыл, начали растопку!
напустили дыму в дом, ну, не продохнуть…
а потом, само-собой, нужно выпить стопку,
в общем, было – выпить чуть, кончилось – кирнуть!

а совсем в конце зашел к нам соседский призрак,
самогонки притащил – век не перепить!
мне три дня теперь не встать – это верный признак,
а еще три дня потом не смогу топить!

вечер. сумерки. ноябрь. не зима, не лето…
то ль капель со всех ветвей, то ли сыпет снег…
дома горестей внахлест, с самого рассвета,
там сломалось, здесь сдает, здесь изжило век…

«что нести тяжелей автомат или крест?..»

что нести тяжелей автомат или крест?
каждый день на закате, глядишь, потерял!
каждый день на рассвете опять не нашел!
тяжело жить с потерей и крест наш тяжел!
все равно ты солдат или ты генерал…

что нести тяжелей автомат или крест?
грех какой тяжелей тот что будет иль был?
легче то, что забудешь иль то что забыл?
напрямик ли спокойней иль может в объезд?

будет праведен тот кто все сам совершил?
или тот кто другому все сделать сказал?
кто глаза закрывал и лишь рядом стоял?
или кто впереди и колол кто и бил?

а кому все зачтется и наверняка?
чернецу, что греха испугался, сбежал?

иль тому, кто боролся и сам первым пал?
не шагнул кто иль все же прошел полшага?

каждый день на закате, глядишь, потерял!
каждый день на рассвете опять не нашел!
тяжело жить с потерей и крест наш тяжел!
все равно ты солдат или ты генерал…

«определиться не могу…»

определиться не могу,
ты для меня маяк ли, путы,
тяжелый путь во время смуты
иль подчиненье батогу?

что красота, как шоры глаз,
закрывшие все горизонты,
и, как улыбка у Джоконды,
скрывает вид земли от нас?

чем забираешь волю ты,
парализуя ежечасно
и делая на все согласным
с высот единой правоты?

как не сломившись разобрать,
в чем притяжение хмельное?
вдруг это просто паранойя,
желанье жить, не умирать?

стремление служить тебе
неужто – это искушенье,
рассудка здравого лишенье
и жертва рабская судьбе?

в безумьи вникнуть не дано,
что ты молитва о спасенье
или распутный день весенний
на преискусснейшем панно?

кому молиться, чтоб понять,
кем ты ниспослана на Землю?
и для чего тебя приемлю
обожествлять иль изгонять?

«ночь долгая, как видно без конца…»

ночь долгая, как видно без конца.
дворы пустые – темень и молчанье.
лишь где-то снизу тихое журчанье,
мурлыканье безвестного певца…

в такую темень страшно выходить.
начнешь блудить, себя же потеряешь!
коль нет пути – куда идти не знаешь,
да коль и знаешь – лучше не ходить!

и ни звезды, потухший небосвод,
как будто крепом небеса укрыли…
иль накануне чистили от пыли
и все отмыли над землей и под…

но, коль мы вместе, то любая мгла,
как яркий день, как солнечное утро!
мысль о тебе магичней перламутра
хранила, защищала, берегла!

«вчера текло, неслись потоки…»

вчера текло, неслись потоки…
капель, как вражий пулемет,
в упор лупила. водостоки
ей вторили и били влет…

так целый день… бои и драки,
победы, бегства, снова бой…
с утра сошлися в полумраке
и к ночи разошлись гурьбой…

но вот сегодня все спокойно.
снежок, морозец, тишина…
повсюду мир, затихли войны,
спит изможденная страна…

уж что там давеча делили,
едва кто сможет разъяснить…
ну, что ж, бойцов похоронили
и новых нужно нам плодить…

и вновь накапливают силы,
и ждут викторию, успех!..
а на кустах синицы мило
сидят, высмеивают всех…

«февраль, чернил вполне хватает…»

февраль, чернил вполне хватает,
а слезы лишние сейчас:
весь мир вокруг течет и тает,
повсюду, сколько видит глаз.

день сумрачный похож на вечер,
зато дорожка, как река,
а вдоль дорожки, словно свечи,
последних тополей рога.

фантазиям вполне привольно…
в уме рождаю новый мир,
плыву рекой, путем окольным,
взяв лунный серп, как сувенир,

сквозь дом жилой, сквозь чью-то радость,
сквозь чьи-то слезы напролом,
сквозь горечь слов и чувства сладость,
сквозь боли тишь, сквозь счастья гром!

бежать, наращивая скорость,
от чувств фантомных и чужих,
нестись, уже с тобою порознь,
из вод речных до волн морских…

и, выскочив на вала крону,
взъершив вздыблённую волну,
вдруг враз разбиться на микроны
о стихотворную скалу!..

февраль, чернила, чашка кофе,
конфет с десяток ассорти…
к листу бумаги как к голгофе
идешь, не в силах не идти…

село Грязищи

в дальний край, в село Грязищи
уезжаю за судьбой,
через Щелково в Мытищи,
ну, а дальше по прямой!..
через поле со стожками,
через редкий чахлый лес,
где туристы с рюкзачками,
где туманы до небес…
эти древние Грязищи
с незапамятных времен —
деревянные домища,
да сараи у гумен…
деревянная дорога,
деревянный тротуар.
ой, в распутицу морока…
гнус, слепень, мошка, комар…
что нам мили, километры,
перегоны, поезда!
что нам северные ветры,
если светит там звезда.
там такие окунища,
щука, жерех и плотва…
темно-синие глазища,
развеселая вдова.
уезжаю, уезжаю,
уезжаю за судьбой.
жизнь с нуля сооружаю,
все подчистив за собой…
земляника, да морошка,
да малина на лугу…
это все я понарошку,
все придумал на бегу…

«рассвет хотел все встать на лапы…»

рассвет хотел все встать на лапы,
но, не проснувшийся еще,
он мне на левое плечо,
смеясь, валился косолапо…

а я отталкивал небольно
мохнатый ощутимый вес,
ему твердил, чтоб он не лез,
что я устал, с меня довольно…

но темнота меж тем серела,
взлетала хлопая крылом,
стремясь скорей покинуть дом,
в котором тяга к свету зрела…

и света становилось больше.
все ярче делалось окно,
и желтый луч, как волокно,
сквозь шторы тек все бойче, бойче…

я целовал твои виденья,
что сон нанес из разных мест,
и ждал, когда их явь разъест,
явившись вновь в свои владенья…

день скалился с морозным паром
медлительный, еще с ленцой,
идя не шагом, но рысцой,
и близился уж к ритмам старым…

рассвет подрос и растворился,
остался утренний туман,
и может быть пролог в роман,
который нынче зародился!..

«как тяжело порой любить…»

как тяжело порой любить,
и чувствовать любовь, как ношу,
и рядом быть, и нужным быть,
и не кричать: «сейчас все брошу!»
не видеть капли, что сквозь кожу
сочатся, а нельзя вопить…
как тяжело порой любить!

как трудно все же иногда
прощать, хоть это невозможно,
глухой стеной стоит беда,
и ты прощаешь осторожно,
а все тревожно, все так сложно,
любовь в прощении всегда!
прощать так трудно иногда!

как важно все-таки порой
уйти, но вовремя вернуться,
не чувствовать уход игрой,
и замолчать, и прикоснуться,
в глаза взглянуть, и как очнуться…
перенести нападок рой,
как важно все-таки порой…

как тягостна терпенья ложь
в приветствии столь лицемерном,
коль душу пробирает дрожь
от лицемерности манерной
и от жеманности неверной,
когда за рубль подарят грош…
как в тягость ханжество и ложь!

как тяжело порой любить,
и чувствовать любовь, как ношу,
и рядом быть, и нужным быть,
и не кричать: «сейчас все брошу!»
не видеть капли, что сквозь кожу
сочатся, а нельзя вопить…
как тяжело порой любить!

«наутро белый иней – след зимы…»

наутро белый иней – след зимы,
как будто провели разведку боем,
и этим боем мир весь успокоен,
и ничего нет от большой войны.

и на душе покой и благодать,
и тишина, и благость, и смиренье,
как будто написал стихотворенье
такое, что не стыдно умирать!

и бабье лето снова на дворе,
лишь не хватает паутинок гонки,
а солнца луч, изысканый и тонкий,
щекочет нос румяной детворе.

не скажешь, что средина ноября,
что осень вновь бежала с Ватерлоо,
зима в баталиях сказала слово
и к нам спешит, округу серебря.

что ж осени приблизился финал,
декабрь ступает на Поклонну гору,
пора уже. Всегда об эту пору
шубейку лес из снега надевал.

«а этот день мы будем помнить…»

а этот день мы будем помнить,
но почему и знать не знаем,
да просто день – он осязаем,
его смогли весной наполнить!

и он отложится странищей
в кладовке мыслей потаенных,
подспудным чувством напоенных,
где краска вся у нас хранится…

куда мы просто, машинально
бросаем красочные виды,
из внешней жизни неликвиды
храним обычно, тривиально…

как так же ничего не было
назад три года в день весенний…
лишь несколько смешных везений
толчком внезапным послужило…

тот миг коротенький тогдашний…
– а что случилось?
– день качнулся,
шел ливень, я с тобой столкнулся,
а помню будто день вчерашний!..

и ты смеялась, дождь глотая,
и солнце было где-то в тучах,
но счастью тучи может лучше…
светила радуга витая…

тому три года, день из счастья…
и навсегда воспоминанья,
живущее внутри желанье
вновь получить, как в прошлом сласти…

что ж, этот день мы будем помнить,
но почему и знать не знаем…
да просто день – он осязаем!
его смогли весной наполнить!..

«сегодня день… скажу с издевкой…»

сегодня день… скажу с издевкой:
сырой, смурной, не без дождя,
зубною болью исходя,
в такой день лезешь за веревкой…

бездельем искушаем небо
с утра до поздних петухов
втроем – с наперсницей грехов
поллитрой и краюшкой хлеба

кромсаем время на кусочки,
без кройки, просто на глазок,
подход, разрез, отход-отскок —
все хитрости и все примочки…

и день летит… моргаешь только!
да вот куда, зачем, к кому…
все это уж в сплошном дыму…
все спишет праздник только-только!

– считай неделя пролетела…
– да где неделя? полторы!
вылазишь, словно из дыры
и дни считаешь очумело…

– вчера тридцатого апреля…
– шестое нынче, ты не спишь?
неделю пел ты про камыш
и вот уж новая неделя!

сегодня день… похоже милый
без ветра, без дождя, без гроз,
покинул яблоню артроз,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.